

СЕРГЕЙ БОГАЧЁВ

ПРОКЛЯТИЕ
МИТРИДАТА

Сергей Богачев

Проклятие Митридата

«Алисторус»

2016

УДК 82-312.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Богачев С. В.

Проклятие Митридата / С. В. Богачев — «Алисторус», 2016

ISBN 978-5-906880-26-0

Тот, кто проникнет в тайны древней Скифии и Боспорского царства, сможет разобраться в загадочных событиях дня сегодняшнего, циничных предательствах, гибели малазийского «боинга»... Ложь, измены и проклятия, несущиеся друг за другом, оставляют после себя безжизненную землю. Кому под силу остановить этот бег?

УДК 82-312.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-906880-26-0

© Богачев С. В., 2016
© Алисторус, 2016

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Богачев

Проклятие Митридата

Вместо предисловия

Человека окружает множество грехов: воровство, ложь, убийство, прелюбодеяние... Наша мораль осуждает грешников. Однако находятся люди, которые с гордостью говорят: «Я вор», или с видимым удовольствием рассказывают о том, как соблазнили жену друга. Но существует один грех, которым никто не гордится, от которого даже закоренелые преступники отрещиваются, – это предательство.

Во все времена предателей презирали, изгоняли, приговаривали к смертной казни или тюремному заключению. Но искоренить этот грех невозможно, пока существует человечество.

Путь к предательству отмечен мелкими вехами: небольшая ложь, мелкое воровство, жажда получить то, что не заработано. Ничего личного, мужики, просто бизнес; ну да, обещал, но в сложившейся ситуации другого выхода не было – не правда ли, знакомые отговорки? И рано или поздно предательство становится неизбежным, порой это уже образ жизни.

Но если для рядового человека предательство единично, то для многих политиков и чиновников это естественное продолжение их жизни. Сегодня – с одними, завтра – с другими. Зато на плаву. И всегда готовы оправдать собственные действия: я пересмотрел свои взгляды – моя сегодняшняя позиция отвечает интересам народа.

Со временем негативная масса достигает критического уровня, и человек, сам того не ведая, становится стержнем, на который нанизываются проклятия, ненависть, людская злоба. И даже если предатель не будет подвластен суду, от него и без того сначала отвернутся окружающие, чуть позже – друзья, а в конце концов сыновья предадут его, и останутся только два пути: быстрый – к Господу Богу, долгий – смерть под забором при общем презрении. Но, чтобы сделать окончательный выбор, нужна смелость. Или ее отсутствие.

Глава 1

Случайная находка

5 мая 2013 года

Май в этом году выдался не по-весеннему жарким. Донбасское солнце нещадно выжигало на коже контуры нательных маек и футболок. Строительная техника – раскаленные, как духовки, бульдозеры и самосвалы – источала стойкий запах разогретого топлива, смешанного с запахом горячего металла. Бригада Василия Криворучко готовила котлованы под фундаменты корпусов летнего лагеря отдыха для детей. Сроки выполнения и качество строительных работ были жестко оговорены в контракте, поэтому работать приходилось практически круглосуточно. Однако и бригадир, и его ребята, несмотря на плотный график, трудились с огоньком. Дома почти у каждого были малолетние дети, и, когда подходила пора летних каникул, проблема их оздоровления стояла особенно актуально.

Василий и сам хорошо помнил, как его, «проблемного» мальчишку, с восьмилетнего возраста мать каждый год отправляла на целую смену, а если получалось, то и на две, в пионерский лагерь в Славяногорск, к Северскому Донцу. Белый песок и смолистые, упирающиеся прямо в небо тонкие сосны, подъемы по сигналу пионерского горна и страшные, переходящие от смены к смене ночные рассказы о черной-пречерной комнате, в центре которой, как правило, стоял черный-пречерный гроб... А еще вспоминались в меру строгие и важные, но веселые и отзывчивые пионервожатые, и прежде всего подтянутый и озабоченный вниманием к женскому полу физрук Олег Валерьянович – студент института физкультуры с неизменным металлическим свистком на шее. И многочисленные товарищи. Сколько новых друзей в те беззаботные летние месяцы находил Василий, сколько спортивных грамот привозил каждое лето домой и с гордостью показывал матери и соседям, а главное, той невысокой золотоволосой девочке. Стоп, как же ее звали?! Кажется, Таня. Да, точно, Таня!

Василий, конечно, уже не мог припомнить, какой тогда был год и в каком отряде он был. Но эту девочку с озорным взглядом не забыл до сих пор. Робевший только в директорском кабинете, куда его, случалось, вызывали «на внушение», не боявшийся даже хулиганских пацанов из старших классов, перед этой худенькой девочкой он все же терялся, сразу убегал на спортплощадку и наблюдал за ней издали. Зато, когда они с ребятами играли в футбол, а девчонки болели за них на трибуне, лучшего нападающего, чем он, в том заезде не было. Вскоре на посиделках у костра они познакомились. Первый неуклюжий поцелуй, обмен фотографиями и письма, которые он никому не показывал...

Конечно, все это давным-давно прошло. Годы пролетели быстро: Василий окончил строительный техникум, затем – армия и женитьба на Марине. Через год у них родилась дочь, потом сын. Дождавшись своей очереди, они получили квартиру, к счастью не в самом отдаленном районе города. Да, такое тогда еще было возможным... Но те наивные письма и фотографию маленькой девчонки с золотыми косичками он бережно хранил в альбоме, спрятанном от посторонних глаз. А может, это и называется первая любовь, которую помнят всю оставшуюся жизнь? Да что тут говорить!..

Василий развернул мощный бульдозер и направил машину на новый участок земли. Его бригада из десяти человек приехала на эту стройку первой. Всем им было до сорока лет, и они не один год работали вместе. Жили недалеко от стройки в наскоро сколоченных деревянных домиках. Еду им привозили из ближайшей поселковой столовой. Во время отдыха хлопцы слушали радио, играли в волейбол и домино, а на другие развлечения времени уже не оставалось. До поселка было полчаса езды, и самые молодые ребята из бригады по выходным рвались туда

на танцы или в кафе. Но Василий, учитывая срочность и важность задания, на время работы ввел в бригаде «сухой закон». А поскольку «насухую» веселиться не принято, то и смысл в такой поездке полностью исчезал.

Оставался, правда, вопрос общения с женским полом, но тут, рассудил Василий, можно месяцок и потерпеть. Впрочем, неделю назад у них появились соседи: рядом небольшим палаточным лагерем стала археологическая экспедиция из Харьковского университета. Василий тут же познакомился с руководителем группы Ревазом Константиновичем Мачавариани, старшим преподавателем кафедры археологии, кандидатом наук. Вместе с ним приехали студенты исторического факультета, среди которых были и симпатичные девчонки... Тут Василий совсем не к месту вспомнил жену Марину, ее тяжелую, но такую родную и теплую руку и вновь переключился на подготовку площадки под котлован.

Работа продвигалась, но мысли о соседях-археологах все равно не оставляли. Как выяснилось, Мачавариани и его подопечные не первый год приезжали в Великоанадоль на раскопки скифских курганов. До этого Василий и не знал, что скифы – древний степной народ, отличавшийся своей воинственностью, около двух тысяч лет назад заселяли именно эти земли. С тех пор в степи возвышаются курганы с погребениями и святилищами, а на них – так называемые скифские бабы. Эти вытесанные из камня изваяния размером в человеческий рост скифы ставили лицом строго на восток.

Василий и ребята из его бригады видели одну из таких каменных баб, когда ходили на прогулку в сторону заповедника, и даже фотографировались на ее фоне. Да и что греха таить, эти бабы частенько служили объектами для разного рода скабрёзных шуток и намеков. Как-то ради хохмы они даже хотели перетащить такую бабу в домик Витьки Стороженко – классного экскаваторщика и единственного неженатого члена их бригады, чтобы тот никогда не испытывал недостатка в женском внимании. Но, слава богу, одумались и ограничились лишь тем, что к каменной бабе как бы для знакомства и на смотрины привели самого Витька.

Свои святилища, объяснил Реваз Константинович, скифы всегда устраивали на возвышенных местах. Выстилали камнем площадку – место для жертвоприношений. Статуям, как богам, приносили дары и жертвы, и эти каменные истуканы как бы принимали участие в празднествах. Богов «кормили», смазывая им губы кровью пленных или жертвенных животных.

Сами курганы были местом погребения скифских вождей и воинов. Вместе с умершими обычно клали оружие и золотые украшения, поэтому грабители часто раскапывали захоронения. Но и раскопанные, курганы до сих пор привлекательны для археологов, потому что могут преподнести немало сюрпризов. Ведь раньше поиски велись хаотично, вслепую. А сейчас на смену грабительским раскопкам приходит систематическое исследование древних памятников с помощью современных технических средств. И это позволит сохранить бесценные исторические реликвии для будущих поколений. Соккрытие же найденных предметов, предупредил ученый, строго карается по закону, и, если на курганах появляются посторонние личности, занимающиеся раскопками, надо тут же сообщать в милицию.

Ну, в милицию не в милицию... Василий в этом месте благоразумно выдержал паузу. Лично у него с милицией свои счеты, давние и не совсем приятные, однако «черных копателей» он все же велел своим ребятам гнать немедленно, если таковые окажутся замеченными. Не будучи набожным, Василий крестил детей в церкви и осквернение могил считал большим святотатством. А с Ревазом Константиновичем они договорились, что в ближайший выходной придут к нему всей бригадой в гости и тот подробно расскажет об истории их края и его древних жителях.

Конечно, все ребята тут же согласились. Но, как понимал Василий, они пошли на это не столько из-за внезапно возникшей тяги к знаниям, сколько из-за возможности познакомиться с симпатичными девчонками из археологической экспедиции. А Витек даже собирался нарвать огромный букет полевых цветов («ну и что с того, что они в Красной книге, – для такого слу-

чая можно») и для встречи приготовил новый спортивный костюм. Ребята шутили, дескать, теперь ему, наконец, представится реальный шанс сменить каменную бабу на живую и пылкую подругу.

Да, хлопцы в бригаде веселые, с ними не соскучишься. И все же, считал Василий, работать в ночную смену даже лучше. Ночью на Анадоле опускается прохлада, из ближайшего леса тянет свежестью, а со стороны луга – запахами подрастающей сочной травы. В перерывах между рычанием строительной техники из лесной чащи доносятся шорохи листвы и призывные залиvistые трели многочисленной соловьиной братии. Именно в эти короткие минуты передышки ему как раз и вспоминаются пионерские ночи, яркие неподвижные звезды, низко висящие над корпусами, деревянная скамья у тихой реки, всплески ночной рыбы в камыше и их с Таней тесно сплетенные пальцы.

Бульдозер шел тихо и плавно. За годы работы Василий научился управлять огромной машиной автоматически. Да и грунт на участке был в основном мягким и податливым, несмотря на то что почва в этой местности каменистая.

Внезапно нож бульдозера наткнулся на что-то твердое и заскрежетал. Машина резко накренилась на правый бок, будто попала в небольшую, но глубокую яму. «Ну вот и сглазил», – подумал Василий. Он протянул бульдозер чуть вперед, выехал из провала и, остановившись, осторожно вылез из кабины.

Перед началом работ его предупреждали, что на территории стройки могут обнаружиться снаряды, оставшиеся еще со времен Великой Отечественной войны. Взлететь на воздух через семьдесят лет после окончания сражений в планы Василия никак не входило. Хватит того, что оба его деда полегли за Родину: один – под Киевом в сорок первом, второй – на Висле уже в конце войны. В семье о них говорили нечасто, но, когда вспоминали, печалились и гордились. Военные награды дедов – многочисленные медали и ордена – бережно хранились в шкафу, в большой коробке, перевязанной георгиевской лентой. В День Победы их всякий раз торжественно выносили на показ всей семье, особенно подросткам. Чтобы помнили тех, благодаря кому родились и живут. Вообще, к той войне, как и к религии, Василий Криворучко относился трепетно и уважительно и детей старался воспитывать так же.

Василий отогнал мысли о войне и приблизился к краю провала, который под тяжелыми гусеницами экскаватора уже немного осыпался. Стационарные прожекторы освещали только внешний периметр стройки, а рядом с машиной было, что называется, хоть глаз выколи. Да еще и ночь, как назло, выдалась безлунная и темная. Василий вернулся в кабину и осторожно дал задний ход. Поставил бульдозер так, чтобы свет от фар падал прямо на провал, затем снова вылез и осмотрел яму.

Там, на глубине около полутора метров, в груде больших камней, белесо отсвечивали кости, напоминавшие остатки скелета. А в дальнем углу, как ему показалось, из земли торчало что-то вроде черепа. Были это останки человека или, может, животного, Василий определить не мог, да и не собирался. Здесь, в ночной степи, стоя у случайно образовавшегося провала, ему, взрослому мужику, который в драке мог выстоять против нескольких тупорылых амбалов, стало как-то не по себе. Он зябко поежился то ли от внезапно накатившего страха, то ли от ночной прохлады, а быть может, от холодного пота, струйкой стекавшего по его широкой мускулистой спине. Надо же, в конце концов, выяснить причину этого жуткого скрежета, принял решение Василий, вытер рукавом рубахи мокрый лоб и, переборов свой страх, спустился в яму.

Внизу видно было намного хуже. Среди развороченных ковшом камней он заметил овальный предмет, отдаленно напоминавший снаряд. Рассмотреть находку ему не удалось: фары бульдозера светили выше. Он щелкнул зажигалкой и, присмотревшись, понял, что это не снаряд и не мина. На дне ямы лежал средних размеров сосуд. Такие Василий видел в музее,

куда еще в школьные годы их водил на экскурсию учитель истории. Не зря он тогда пошел в музей, а ведь собирался прогулять – так, будто это было вчера, вспомнил бригадир.

Он поднял древнюю амфору. Сосуд был запечатан каким-то материалом, похожим на глину или сургуч. «Килограмма три, а то и больше», – подумал Василий. Он осторожно встряхнул амфору. Тихо... Но в ней явно что-то было! Вдруг вино? Эта мысль первой пришла ему в голову. Где-то Василий слышал, что от долгого хранения вино превращается в желе, которое можно резать ножом. Вот бы попробовать! Да и ребят из бригады угостить. А вдруг вино отравленное? Тьфу, лезет же всякая чушь в голову! Завтра он, конечно же, отнесет эту находку соседям-археологам. Пусть Реваз Константинович сам разбирается, что к чему, ему наверняка не впервой видеть такие штуки.

«Хорошо, что не снаряд и не мина, – снова с облегчением подумал Василий, – а то пришлось бы вызывать подрывников, и те бы, конечно, стройку застопорили, после чего его бригада осталась бы на бобах. А так... Подумаешь, какой-то старый горшок, неизвестно сколько пролежавший в земле, – вот и все его достоинство. Ну а с археолога, когда заполучит эту вещьцу, причитается. Может, даже на поляну потянет!»

От этих мыслей Василия отвлек хруст под ногами. Присветив себе зажигалкой, бригадир замер: он стоял на костях, среди которых были заметны бронзовые наконечники стрел и какие-то мелкие бусинки. Но не это заставило Василия буквально оцепенеть. Из темного угла пустыми провалами глазниц на него смотрел череп древнего скифа. Да-да, именно смотрел! Василий не мог отвести взгляд от этих «глаз»... Зажигалка в его руках задрожала, и без того слабенький огонек, затрепетав, погас окончательно. Василий почувствовал, как все его тело покрылось липким потом.

Бросив поднятый было сосуд, он попятился к стенке и одним махом выскочил из почти полутораметровой ямы. Ноги сами понесли его прочь и от провала, и от бульдозера, и от стройплощадки. Только добежав до палаточного городка, где жили харьковские археологи, Василий остановился и перевел дух. Он не мог понять, что могло так напугать его, взрослого, сильного и неглупого, в общем-то, мужика. Какие-то древние кости? Какой-то череп? Как бы отгоняя дурацкие мысли, Василий тряхнул головой и взялся за полог палатки, в которой жил Реваз Константинович.

Глава 2

Приглашение на двух персон

27 июня 2013 года

Последние лет двадцать Иван Сергеевич Черепанов стабильно не любил юбилеи, презентации и прочие официальные торжества. Коммуникабельный и веселый, на подобных мероприятиях он практически всегда ощущал некую наигранность и искусственность обстановки. Ему давно надоели повторяющиеся из года в год унылые поздравительные речи, сопровождаемые вручением помпезных подарков типа китайских напольных ваз или картин огромного размера, написанных местными художниками-пейзажистами. А от вздыбленных бронзовых лошадей весом в пару пудов, которых заменяли иногда ощерившимися в беспричинной злобе львами или ягуарами, ставшими модными в качестве подношений, вообще сводило челюсти. Но должность директора телекомпании «Зенит» и звание депутата городского совета обязывали бывать на таких празднествах. И оттого запятую в предложении «Нельзя отказаться посетить» ему часто приходилось ставить после слова «отказаться».

Вот и сейчас Черепанов почти с ненавистью смотрел на большой, красочно оформленный конверт, который передала ему утром с остальной почтой бессменный секретарь Анечка. Девушка толковая и расторопная, она перманентно находилась в поиске настоящего мужчины, который бы мог составить ее семейное счастье, что, впрочем, не мешало ей выполнять свои профессиональные обязанности исправно и с удовольствием.

С прогнозируемым предчувствием, основанным на многолетнем опыте, Иван вскрыл конверт. Оттуда не без труда высвободилась двойная открытка с написанным золотой вязью текстом: *«Уважаемый Иван Сергеевич! Приглашаю Вас и Вашу ____ на празднование моего 55-летия, которое состоится 6 июля в 18 ч. 30 мин. по адресу: ул. Бетховена, дом 4»*. Ниже стояла подпись: «С. С. Беляков».

Открытка была стандартная, с одинаковым текстом для всех. Иван улыбнулся прочерку в приглашении. На такие мероприятия гостей обычно зовут с супругами, но, поскольку Черепанов официальные супружеские отношения с Ольгой до сих пор не оформил (с единственной женой Марией он был в разводе), в приглашениях этот момент либо тактично обходили, либо ставили прочерк, как, кстати, и поступила пиар-служба С. С. Белякова. А ведь могли бы написать просто: «Приглашение для двух персон».

Иван открыл ежедневник. На субботу, 6 июля, у него была запланирована совсем другая программа – поездка с Ольгой и Лешкой в «Дубки». Так назывался пансионат в лесу под Луганью, недалеко от речки. И что, подумал Иван, всю эту прелесть променять на скучный вечер в особняке Степан Степаныча? Впустую тратить время на созерцание его молодящейся экзальтированной супруги и других подобных ей самовлюбленных дам и их полуолигархических мужей с напыщенными, раздувшимися от осознания собственного величия физиономиями? Брр, нет!

Для проведения юбилея наверняка будет приглашен какой-нибудь «отставной» актер. Хотя в провинциальных кругах на сию роль по-прежнему претендовал модный кавээнщик со своей неизменно веселой братией и старыми шутками, граница которых традиционно проходила где-то в районе брючного пояса. Вдобавок несколько поп-исполнителей, рангом и репертуаром находящихся между Веркой Сердючкой и группой «Лесоповал». Уж столько раз Иван все это видел, хоть сериал снимай. Нет, увольте!

Впрочем, к самому Белякову он испытывал определенное уважение, можно даже сказать, был ему обязан. Несколько раз Степан Степаныч помог телекомпании кредитами под симво-

личные проценты. А однажды, когда они прозевали контрольные сроки подачи документов в киевскую комиссию по распределению частот, «порешал» наверху вопрос о продлении лицензии на вещание. Ну и как человек Беляков тоже имел достоинства. В молодости он увлекался спортом, что Черепанову, как ярому приверженцу бодрого образа жизни, очень импонировало. Несмотря на свою постоянную занятость, Степан Степаныч любил покатать шары на бильярдном столе и, надо сказать, делал это довольно искусно. Как-то Ивану, который и сам считался неплохим игроком, довелось сыграть с ним пару партий, и тот не дал ему ни единого шанса на выигрыш.

Злые языки утверждали, что свой первый капитал Беляков заработал еще в советских бильярдных, профессионально катая шары и обыгрывая не последних в стране игроков. Ставки в такой игре могли доходить до десятков тысяч рублей – немалые по тем временам средства. А уж в пору перестройки, когда азартные игры на деньги практически вышли из-под юрисдикции уголовного кодекса, он развернулся вовсю. Первые казино в районе были открыты Беляковым. В кулуарах поговаривали, что он до сих пор «крышует» игровой бизнес.

Основной же капитал Беляков сделал на оптовой торговле, а бизнес по производству продуктов питания дал ему возможность официально являться владельцем компании «Восток», состоящей из нескольких предприятий, и, кроме того, стать депутатом областного совета в трех его созывах. По приблизительным оценкам, капитал Белякова составлял около 400 миллионов долларов, и он считался одним из богатейших и влиятельнейших людей региона.

В городе этого человека любили за то, что он материально поддерживал местную футбольную команду, хотя ее владельцем не был. Он также щедро жертвовал деньги на благотворительность: покупал оборудование для больниц и благоустраивал детские дома. Еще одним увлечением Степана Степаныча стало коллекционирование антиквариата, которым он увлекся уже в более зрелые годы, видимо, тогда, когда появились большие деньги.

Все это Черепанов припомнил, собираясь позвонить Белякову, чтобы под каким-нибудь благовидным предлогом вежливо отказаться от приглашения. Как это сделать, он пока не придумал, но был уверен, что от его отсутствия ни юбиляр, ни его гости совсем не пострадают.

И тут в голову неожиданно пришла спасительная мысль о командировке в Западную Украину, где намечался форум руководителей кабельного телевидения, на который он действительно собирался либо поехать сам, либо послать своего заместителя. Правда, мероприятие, как было отмечено в ежедневнике, планировалось на 10 июля. Значит, возникал вопрос...

Черепанов набрал секретаря:

– Аня, уточните, когда в Тернополе конференция «по кабельному»?

– Минутку, – отозвался голос в трубке, и тотчас зашелестели страницы. – Ага, вчера пришло подтверждение: 11 июля в девять ноль-ноль в конференц-зале гостиницы «Галичина» начнется регистрация. Подтвердить участие и заказать билеты? На чье имя бронировать?

– Согласие давай, а кто поедет, скажу завтра. Молодец, благодарю за службу, – дежурно пошутил Иван.

– Служу телекомпании «Зенит»! – привычно откликнулась секретарь и отключилась.

Значит, почти на целую неделю позже, подытожил Иван. Да какая разница, днем позже, днем раньше – кто об этом узнает?

Он уже собирался набрать номер Степан Степаныча, как на столе, вибрируя, заплесал мобильник. Вот черт, только настроился на важный разговор! Черепанов хотел было сбросить вызов, но, взглянув на экран, от неожиданности замер. Вот и не верь в телепатию и прочий полтергейст! Во весь экран нового смартфона крупными печатными буквами высветилось: вас вызывает Степан Степанович Беляков. Ивану даже показалось, что тот каким-то невероятным образом прочитал его мысли. Он оторопело оглядел свой кабинет: а не спрятано ли где-нибудь тайное устройство по передаче мыслей на расстояние? И, улыбнувшись своим фантазиям, нажал кнопку «ответ».

– Добрый день, Степан Степанович! – бодро отозвался Иван, уже готовый к «отмазке». – Хочу поблагодарить вас за приглашение на юбилей. Кстати, только что его получил, но...

Он не договорил – в телефоне зазвучал низкий голос Беякова.

– Привет, привет, Иван Сергеевич! Собственно, по этому поводу я тебе и звоню. Вообще, ты как там, нормально? – и, не дожидаясь ответа, почти без паузы продолжил: – Знаю, регулярно смотрю твои новости и разные расследования по криминалу и коррупции. Всех подряд кроешь. И это правильно. Какая бы власть ни была, наша или не наша, надо заставлять ее работать, а то совсем зарастет жиром. Да, что-то не видел тебя на последней сессии. Надеюсь, не захворал? К слову, моей жене очень нравится ваша передача про... Кажется, что-то о салонах красоты и редких цветах.

– У нас такая работа, – пояснил Черепанов и еще раз попытался объяснить по поводу своего отказа от участия в юбилее.

Но Беяков снова перебил его:

– Так вот, я по поводу своего так называемого совершеннолетия. Ты, конечно, будешь – это понятно. Но тут такое дело... Скажу по секрету: мои пиарщики понаприглашали каких-то дорогих артистов, музыкантов и даже циркачей. Всем этим управляет моя супруга. Так вот, ей захотелось всю эту юбилейную мишуру запечатлеть на видео, смонтировать фильм и послать его детям в Штаты, чтобы посмотрели, как у нас гуляют. А то они, бедные, не в курсе! Но лучше твоих ребят никто не сделает. К тому же и жена, как я уже заметил, любит ваши передачи. Поэтому я тебя прошу: возьми с собой классного оператора, пусть снимет вечеринку, а твои орлы потом смонтируют. Вот это и будет твоим подарком. Так что не парься по этому поводу. А твоим ребятам я обязательно заплачу, сколько скажут – столько и будет. Ну что, договорились?

– Обижаете, Степан Степанович!

Черепанов понял, что в этом случае никакие «отмазки» не пройдут, даже начинать разговор не стоит. Значит, поездку в «Дубки» ему все-таки придется отложить.

– Для вас мы сделаем за свой счет, тем более такая весомая дата. А вот годом раньше, безусловно, взяли бы по полной программе, – добавил он усмехаясь.

– В таком случае, решили, – отозвался Беяков. – Да, скажу охране, что от тебя будет человек с камерой, а то еще шуганут парня. В общем, не опаздывай, жду!

Мобильник замолчал.

Иван немного посидел в неподвижности, переваривая состоявшийся разговор. Что ж, теперь нужно готовить новую версию отказа – для Ольги. Это в который уже раз? А может, взять ее с собой на юбилей? Хотя вряд ли ей будет интересно среди дам определенного сорта и возраста. Ольга была моложе Черепанова на тринадцать лет, работала врачом-терапевтом, или, как сейчас принято говорить, семейным доктором, в районной клинике, где они и познакомились несколько лет назад. Нет, не стоит, решил Иван. Ольга будет чувствовать себя не в своей тарелке, а нервничать из-за этого будет он.

Ладно, завтра придумаю что-нибудь, а пока нужно предупредить кого-нибудь из операторов, чтобы в субботу готовился ехать на день рождения Беякова.

Он еще раз набрал Аню:

– Узнай, пожалуйста, у Заборского, кто из его группы свободен шестого июля? И пусть предупредит, что предстоит работать всю ночь в условиях, приближенных к боевым, то есть снимать юбилейные торжества одного славного человека. Скажи Виталию, чтоб подобрал малоизвестного, если, конечно, у него такой имеется.

– Будет исполнено, – отчеканила Аня. – Как только Заборский вернется с репортажа, тотчас же его озадачу и немедленно сообщу вам, хорошо?

– Лады.

В своем ежедневнике Черепанов обвел шестое число черным маркером как потерянное для нормальной жизни время и там же записал: «Купить подарок и цветы, подготовить поздравление». И снова перечитал открытку.

Вот и определилось второе лицо, с которым пойду на юбилей, усмехнувшись, подумал он. Не девушка и не женщина, а молодой мужчина с острым операторским взглядом и достаточным опытом в своем деле. Хотя в гей-клуб записывайся с такими спутниками!

Иван с ненавистью смял пригласительный конверт и, словно баскетбольный мяч, бросил его в корзину для мусора. Однако и тут не повезло – промазал.

Глава 3

Знак свыше

134 – 63 до н. э.

Смуглая черноволосая рабыня со связанными за спиной руками брела босая по улице, доживая последние минуты своей жизни. Толстая веревка больно стягивала запястья, но какое значение это имело сейчас?.. Два воина, сопровождавшие ее к месту казни, двигались следом размеренным шагом, держась за рукояти своих мечей. Их лица радости не выражали. Казнить приговоренных – не самое почетное занятие, но это тоже работа.

На площади, где обычно происходили казни, было немногочленно, и появление приговоренной к смерти вызвало среди случайных прохожих оживление. Такое зрелище всегда собирало немало зевак, но эта казнь была назначена столь скоропостижно, что кровожадные зрители о ней просто не узнали.

Повелитель Понтийского царства Митридат V Эвергет наблюдал за происходящим с балкона своего дворца, возвышавшегося над городом. Его взгляд был каменным, глубокие морщины, прорезавшие лоб еще не старого царя, подчеркивали недоброе выражение лица. Боги дали плохой знак, и теперь ему предстояло понять, к чему следует готовиться.

Утром над городом прошла необычайная гроза. Гулкие раскаты предупредили жителей о надвигающемся ненастье, и те успели найти укрытие. От молний загорелось несколько домов, однако последующий ливень потушил пожар. И царь благодарил высшие силы, пославшие воду с небес. Но одна молния ударила во внутренний двор резиденции. Оглушающий треск заставил охрану отвлечься от ворот, чтобы посмотреть, не принес ли с собой огонь гнев богов, и ужас переполнил солдат: в углу, под оливковым деревом, там, где обычно стояла колыбель царевича, полыхало пламя. Бросив щиты, воины, кинулись спасать ребенка. И – о, чудо! – не успели они добежать до колыбели – огонь исчез так же внезапно, как и появился. Ткани, которыми был обернут младенец, изрядно обгорели, но сам он не пострадал. Мальчик мирно спал, будто ничего не случилось.

Весть о чудесном спасении царевича тут же была доложена повелителю начальником стражи.

Воин преклонил колено перед хозяином:

– О, великий из великих! Смею доложить, что боги прислали испытание: небесный огонь ударил в колыбель твоего первенца.

Стражник промолвил это и в знак готовности принять наказание покорно склонил голову. Он хорошо знал, что может ожидать гонца с плохими вестями.

Вопросительно глядя на своего воина, Эвергет молчал, и тот, почувствовав милость царя, продолжил:

– Я не могу объяснить произошедшее, повелитель. Наследник жив и здоров. Это волшебное спасение, мой царь, это знак свыше.

– Не пристало тебе, мой преданный Клеарх, делать выводы о воле богов.

Эвергет поднялся и, запахнув одежды, проследовал к окну.

Там, над линией горизонта, где сливались воедино две синевы, морская и небесная, уже более тридцати дней висела комета. Ее белый изогнутый хвост убегал от солнца, но светило не торопилось его догонять – оно знало всю мощь своей силы. Как только после рождения наследника комета появилась на небе, многие мудрецы, не выдавшие на своем веку такого, доложили царю: это знамение.

Не шевелясь, в ожидании своей участи Клеарх стоял посреди зала, преклонив колено.

– Поднимись, Клеарх, в случившемся твоей вины нет, – произнес Эвергет, не отводя взгляда от неба. – Ты думаешь, боги отвернулись от Понта?

– Я не провидец, мой повелитель, я воин. И все, что я знаю: с простыми людьми такого не происходит. Царевич выжил, как Дионис. И небесный хвост – неспроста это.

Понтийский царь, по-прежнему не оборачиваясь, стоял у окна.

– Где была кормилица во время грозы? – его голос звучал тихо, но от этого угрозы в нем не убавилось.

– Не могу знать, мой повелитель! – Клеарх опять рухнул на одно колено и преклонил голову.

– Казнить! Немедленно!

– Повелитель желает выбрать способ? Должна ли она пройти через очищающие муки, чтобы познать силу гнева повелителя? – об этом Клеарх спрашивал всякий раз, когда стоял выбор, залить ли в глотку виновного раскаленный металл, заколоть его мечом или же отдать на растерзание львам.

Решение царя зависело от степени вины приговоренного и необходимости произвести наказание в назидание возможным преступникам. Для публичных экзекуций с последующими казнями избирались самые изощренные способы, от которых жертва умирала долго, мучительно и зрелищно.

– Конечно, потеря наследника сравнима с изменой, но он... он ведь остался жив! Потому... пусть не страдает. Для справедливого суда используй меч.

– Мой господин, твоя воля будет исполнена немедленно.

Отдав необходимые почести, Клеарх решительно двинулся к выходу.

Через некоторое время в зал вошла молодая женщина в красной, обрамленной орнаментом тунике. Под легкой тканью угадывалась стройная фигура. На груди складки ткани аккуратно обходили идеальные формы, а золотой пояс – знак принадлежности к царскому роду – подчеркивал тонкую талию. Красивых женщин в Понтийском царстве было немало – смешение южных кровей давало дивный результат, но царица Лаодика VI выделялась и в этом ряду.

Ей с детства прививали чувство собственного достоинства. Она, блестяще образованная наследница греческих и македонских династий, умела быть не только хорошей женой, но и уверенной в своих силах царицей. Свои обязанности – от царского ложа до приемов посланцев – Лаодика выполняла так, будто от этого зависело все ее будущее. Подобная предусмотрительность имела основания. Скольких ее царственных родственников постигла печальная участь!

Теперь же Лаодика училась быть идеальной матерью.

Когда ей принесли сына, царица первым делом удостоверилась, что он цел. Малыш, очень недовольный повышенным к себе вниманием, схватил материнскую грудь и улыбнулся так, как это умеют делать только маленькие дети – без тени лицемерия.

– О твоем спасении знают теперь все. Твой отец восхваляет богов. Наверное, будешь долго жить, царевич, – с этими словами Лаодика отняла сына от груди и передала рабыне. – Не своди с него глаз, иначе тебя постигнет такое же наказание, – предупредила она.

С ребенком на руках служанка почтительно поклонилась и бесшумно удалилась.

Через зал, украшенный помпезными фресками и тканями, Лаодика проследовала на балкон к Митридату, который наблюдал за происходившей казнью.

Чтобы обозначить свое присутствие, царица заблаговременно обратилась к супругу:

– Я слышала, мой повелитель, ты сжалился над служанкой?

– В этом дворце вести разносятся чересчур быстро. Если такая смерть – снисхождение, то – да.

– Нет более справедливого и благородного человека, чем ты, мой Эвергет.

В это время с площади донесся гул толпы и глухой стук падающего тела. Рабыня не издала ни звука – ни до, ни после смерти.

Царь повернулся и, словно не заметив стоящую рядом жену, быстрым шагом направился вглубь зала к своему трону. Выполненный из золота трон стоял на обитом дорогой тканью постаменте, ступить на который никто не имел права, – это могло быть расценено как покушение на власть и стоять жизни.

Лаодика не относила себя к числу тех, кому не дорога жизнь, а потому, приблизившись, стала перед троном на одно колено:

– Эвергет, в твоей душе я вижу смятение.

– Да, моя верная жена. Ты, как обычно, проникательна. Пришла меня утешить?

Теперь царь смотрел на нее так, как смотрит мужчина на страстно любимую и желанную женщину.

– Скажи мне, что тебя тревожит, мой повелитель?

Царь провел рукой по черным волосам Лаодики.

– Каким бы ни являлось настоящее время, оно никогда не откроет тайну нашего будущего. Только предупредит избранных. Слишком много знаков послано нам богами... – многозначительно изрек Эвергет и в задумчивости подошел к окну. – Да, Лаодика, я в смятении. Вопросать жрецов было бы серьезной ошибкой. Любой из старцев может истолковать эти знаки так, как ему того захочется, чтобы повлиять на ход событий. Но правитель пока я, и творить историю только мое право. Да и нужно мне не толкование, а скорее само провидение.

– Осмелюсь сказать тебе, Эвергет, что есть способ развеять твои сомнения, которые касаются сына. В Элладе, в Дельфах, над крутой скалой, стоит храм, воздвигнутый в честь Аполлона. При храме есть оракул¹. Его так и называют: дельфийский оракул. С дарами для пифий² вели снарядить экспедицию, и, быть может, они до нас снизойдут.

– Снизойдут?! – глаза царя сверкнули гневом.

– Именно так, Эвергет. Пророчества их крайне редки, но всегда чисты и правдивы. При этом еще нужно будет понять, что они скажут и к какому придут выводу. Они всесильны, потому как знают будущее. Ты, мой повелитель, могуществен – это бесспорно. Но ведь ты сейчас говорил, что хочешь знать будущее. Пусть пифии выполняют свою работу!

– И в царстве никто не узнает о пророчестве?

– Думаю, да, мой повелитель...

¹ Прорицающее божество; место, где жрецы прорицали от имени божества; лицо, суждения которого признаются откровением, истиной.

² Жрицы-прорицательницы в храме Аполлона в Дельфах.

Глава 4

Ночное нападение

8 июля 2013 года

– К вам Заборский. Говорит, очень срочно, – сообщила Аня.

Надо отдать ей должное: даже самые тревожные сообщения она произносила без истерических интонаций, практически ровным голосом. Но этим, судя по количеству влюбленных взглядов сослуживцев, число ее достоинств не ограничивалось. Однако своих коллег в качестве потенциальных мужей Аня не рассматривала, а временно свободные от семейных уз местные олигархи и бизнесмены, в свою очередь, не видели в качестве потенциальной жены Аню. «Никуда не денешься – диалектика, – философствовал на этот счет Заборский, – единство и борьба противоположностей».

Услышав голос секретаря, Иван оторвался от большой обзорной статьи о кризисе в мировой экономике. Каждое рабочее утро он начинал с просмотра новостей и просил ему не мешать. Все знали, что шеф не любит утренних визитов, и обсуждение текущих проблем оставляли на вторую половину дня. Но, если Заборский нарушил негласный принцип, значит, произошло что-то из ряда вон выходящее. И Черепанов дал Ане команду впустить Виталия.

– Ну, что опять не так в нашем королевстве? – Иван пожал руку Виталию и указал на стул. – Новую видеокамеру ты получил на прошлой неделе и, по моим расчетам, еще не должен разбить, оттого я тебя и не ожидал раньше времени.

С Виталием Заборским Иван работал уже не первый год. Несмотря на разницу в возрасте, их связывали не только служебные, но и дружеские отношения. До прихода в телекомпанию «Зенит» Виталий возглавлял отдел расследований в газете. Он знал все о криминальной обстановке в городе. Коррупция во власти, распространение наркотиков, незаконный передел собственности – все эти темы входили в сферу его профессиональных интересов, и здесь он чувствовал себя как рыба в воде. Но после смены областного руководства главный редактор ввел в издании политику цензуры, перестал пропускать острые материалы о деятельности тех руководителей муниципальных структур, которые принадлежали к партиям, стоящим у власти. После очередного конфликта с главным Заборский ушел из газеты, и Черепанов пригласил его в свою телекомпанию.

Писать репортажи о мелких правонарушениях и дорожно-транспортных происшествиях Виталий поручал своим подчиненным, сам же занимался резонансными случаями, причем вел журналистские расследования, невзирая на ранг фигурантов. Он не боялся влезать в такие дела, которые даже правоохранные органы обходили десятой дорогой. И Черепанову не раз доводилось вытаскивать своего протеже из сложнейших ситуаций, для чего порой он прибегал к связям подполковника Василия Матвеевича Заборского – классного опера и в прошлом начальника городского управления милиции.

Виталий не пошел по стопам отца, хотя отучился несколько лет в Харьковской юридической академии. Почувствовав призвание к журналистике, он покинул альма-матер. Но полученная подготовка давала себя знать. В своих расследованиях Заборский-младший действовал как профессионал, имел собственные, одному ему известные «источники» и всегда тщательно проверял полученную информацию.

– Я только что из больницы, – начал Виталий, не приняв шуточного тона шефа. – Моего нового оператора Стаса Папазова, который был с вами на дне рождения у Беякова, той же ночью жестоко избили в подъезде собственного дома. Сейчас он в реанимации. Похоже, бейсбольной битой ему проломили голову. Напавшие забрали деньги и телефон. Слава богу,

хоть камеру оставили. Она лежала в кофре и не заинтересовала грабителей, что, в общем-то, понятно: ее так просто не продашь – аппаратура суперпрофессиональная, можно сразу засветиться. Стаса обнаружил на лестничной площадке сосед по подъезду, когда рано утром вышел погулять с собакой. Он же и вызвал «скорую». И если бы не этот сосед, для Стаса все могло бы закончиться гораздо хуже. А так... Врачи вовремя оказали помощь и позвонили родителям, а те, в свою очередь, мне.

– Понял. Что надо от нас? Позвонить главному врачу или...

– Нет. Я все уже сделал. Там нормальные ребята. Условия обеспечат и лечение проведут, как положено, ручаюсь!

– Хорошо, этот вопрос закрыли. Теперь по поводу нападения. Как думаешь, кто это был: случайные грабители, наркоманы или же твоего Стаса целенаправленно «пасли»?

– Пока неизвестно, но вряд ли «пасли». Скорее всего, на него наехали случайные грабители или хулиганы. Ну кто мог знать, когда он вернется домой? Хотя с другой стороны... Его же крепко избили, а могли ведь просто ударить по голове и ограбить, разве не так? – предположил Виталий. – Кстати, хотел уточнить: он пил водку на юбилее у Степаныча? В больнице сообщили: был трезвый.

– Да вроде бы не пил. Во всяком случае, я этого не заметил. Так ему и не до выпивки было. Мотался по дому с камерой, как Баба-яга с метлой. Особняк огромный, в два этажа, ступенек – море. Гости важные, и все норовят в кадр попасть, чтобы потом похвалиться: мол, с самим Беляковым на брудершафт пили. Стас сначала снимал торжественную часть, ну, здравницы, подношения, тосты и прочее. Затем был концерт, шоу-балет, фокусники. Потом, когда все хорошо выпили, началось веселье. Особенно выделялись дамы. Устроили на втором этаже что-то вроде показа мод – демонстрировали наряды и драгоценности. Как говорится, крутили друг перед дружкой «кормой». Кстати, Стас их много снимал. Да я тебе чип дам, сам все увидишь.

– Какой чип? Ни в кофре, ни в камере никакого чипа не было, – удивленно пожал плечами Заборский. – Вчера вечером я сам забрал ее из милиции. Кстати, опергруппа приехала на вызов сразу и никаких улик не обнаружила. Свидетелей пока тоже нет. Хорошо хоть пообещали открыть дело по факту нападения и грабежа. Капитан Сидорченко лично заверил, что будут искать виновников. Но мне кажется... Ну, как сказать... – Виталий замялся, подбирая слова. – У них есть дела и поважнее. Вряд ли они по этому случаю будут землю рыть: парень-то остался жив. Только я за последнее время подобных нападений что-то не припомню. Была в прошлом году история: ограбили поздним вечером на улице одинокую женщину – забрали сумочку с деньгами, телефон, сняли серьги. К сожалению, грабителей так не поймали, но нападения прекратились. А потому все списали на гастролеров, мол, это не местные бандиты, а залетные «работали».

Виталий немного помолчал, размышляя.

– Но вот со Стасом, – продолжил он, – почерк совсем другой, это явно не хулиганье. Так избить человека...

– Ну, что касается чипа, он, слава богу, у меня. Сам не знаю, почему забрал его у Стаса. Будто предчувствовал, что такое может случиться. Попробуй объясни потом Белякову и его гостям, что кина не будет, – успокоил Заборского Иван и вопросительно взглянул на Виталия: – А что, Папазов в последнее время занимался чем-то серьезным? Ты ведь сложные расследования никому не поручаешь. Или я чего-то не знаю?

– В том-то и дело, что он был от таких расследований в стороне. В основном снимал репортажи на злобу дня: о новых дорожных правилах, о загрязнении городского ставка... Да еще собирал материал о вандализме на еврейском и татарском кладбищах, в котором подзревались то ли сатанисты, то ли мелкое хулиганье. Я его даже к истории с проститутками на Окружной не подключал. Решил, что Стас молодой еще, неопытный, пусть немного оботрется... – Виталий наморщил лоб и на минуту задумался. – Надо бы расспросить ребят из

отдела, может, они что-то знают. Ну и не помешает заглянуть в компьютер Стаса, авось что-нибудь откопаем.

– Вот что я скажу тебе, Виталий, – подытожил Черепанов. – На милицию, конечно, надейся, но и сам, как говорится, не плошай, потому что результат действительно может оказаться нулевым. Давай-ка подключайся к этому делу со своими ребятами. Помоги нашим доблестным стражам порядка. Я тоже сомневаюсь, что это обычное ограбление: для такого случая жертву можно выбрать побогаче и послабее. А твой Стас ростом, наверное, под метр девяносто, не меньше, и на хрупкую барышню совсем не похож.

– Обижаете, Иван Сергеевич, мы уже включились в расследование. По всем направлениям, которые за последний месяц вел Стас, проверяем материалы. В завтрашнем выпуске об этом происшествии сообщим и попросим возможных свидетелей позвонить нам или в милицию. Ну и по старой дружбе я обещал информировать о наших успехах Сидорченко. У них мало людей, и на каждом сотруднике висит по десятку дел, поэтому ему даже выгодно, чтобы мы помогли. Тем более нападение на Папазова, как они считают, это рядовой грабеж.

– Ясно, – кивнул Иван, – действуйте. И держи меня в курсе дела.

Черепанов встал, потом снова сел – было видно, что он слегка нервничает.

– Завтра я передам тебе чип с отснятым на юбилее Белякова материалом. Поручи какому-нибудь толковому видеоинженеру смонтировать фильм. По времени – желательно на час-полтора, не больше. А Стас, дай бог, оклемается и посмотрит его, так сказать, свежим взглядом.

Черепанов почему-то чувствовал свою вину в том, что произошло с Папазовым. Если бы Стас не пошел на тот злосчастный юбилей, скорее всего, не было бы и ночного нападения. Да, впрочем, какая разница, откуда он возвращался? Ведь эти подонки могли специально поджидать его в подъезде, а если так, днем раньше или днем позже все равно бы подстерегли и откололи. Вот только за какие грехи? Неужели снова возвращаются «лихие девяностые», когда проблемы решались с помощью биты или пистолета Макарова? Да вроде бы не похоже...

Недавно Иван просматривал оперативные милицейские сводки. Они были оптимистичны, ничего общего с сообщениями из девяностых. И на сессии горсовета начальник ГУВД полковник Перебейнос уверял, что ситуация с преступностью в городе изменилась к лучшему. Что же касается нападения на журналистов, такие случаи зафиксированы только дважды, да и то в области. А в самой Лугани за последние три года их не было вовсе. Возможно, и это нападение никак не связано с журналистикой, и сотрудника нашей компании ограбили с целью наживы. Хотелось бы, подумал Иван, чтоб именно так и было, иначе подобные инциденты могут повториться.

И все же опыт и интуиция подсказывали обратное...

Глава 5

Убийство с неизвестным мотивом

11 июля 2013 года

Поздний звонок разорвал тишину квартиры Черепанова.

Телефон звонил настойчиво, дрожа от нетерпения и возмущаясь всем своим вибронутром. «Почти полночь», – бросив быстрый взгляд на часы, отметил Иван. В это время ему могли звонить только два человека: Ольга, когда они с Лешкой куда-нибудь уезжали, и Виталий Заборский, если случилось что-то непредвиденное.

К сожалению, экран телефона выбрал не Ольгу, а Заборского.

– Доброй ночи, – Черепанов намеренно начал разговор первым. – Случаем ты не забыл перевести часы на летнее время, как это сделали все нормальные и порядочные люди?

– Если бы я был нормальным человеком, вы бы уволили меня восемь лет назад, сразу после окончания испытательного срока. А если бы был еще и порядочным, вообще бы не взяли на работу, – парировал Заборский.

– И то верно, – согласился Иван. – Ладно, 1:1. Так что случилось? Слышу в трубке шум и посторонние голоса. Неужели звонишь из ночного клуба?

– Хотелось бы. Однако я нахожусь совсем в другом месте. Улица Бетховена, дом 4. Этот адрес вам о чем-либо говорит?

– Бетховена, 4? – переспросил Иван. – Но ведь это же особняк Белякова. Что, так затянулся юбилей? Надо же, а я кукую в одиночестве.

– Зато здесь, наверное, уже вся милиция города. Час назад мне позвонил капитан Сидорченко и попросил, чтобы я немедленно приехал. Уж не знаю, чем он руководствовался – то ли нашей старой дружбой, то ли желанием подстраховаться... Короче, подал срочный сигнал.

– Какой еще «срочный сигнал»? Ты что, как в своих репортажах, специально тянешь с эффектной концовкой? Тоже мне Станиславский нашелся. Что произошло?

– Стоп! А разве я в самом начале не сказал? – с наигранным удивлением произнес Виталий. – Тогда извините. Видимо, желал подготовить вас к важному и нехарактерному для наших широт событию. Так вот, полтора часа назад на втором этаже собственного дома была обнаружена мертвой Полина Белякова, жена Степана Степановича Белякова. Не буду утверждать, но, говорят, что ее кто-то задушил. Вот такая новость.

От неожиданности Иван даже опешил.

– Погоди, погоди, а что с самим Степаном Степановичем, он хоть жив? – вдруг обеспокоился Черепанов.

– Ваш товарищ, как меня известили, дня два назад улетел в Лос-Анджелес. Вроде по делам бизнеса, а может быть, и к детям. У него там дочери живут.

– Понятно, и что же по поводу этого убийства говорят менты? Как я понял, ты там уже давно. Что-нибудь узнал?

– Кое-что, но это весьма предварительно. По свидетельству домработницы, которая, кстати, обнаружила труп Беляковой, пропали кое-какие вещи и драгоценности. Оказывается, был вскрыт сейф, где Беляков хранил некоторые свои раритеты, то есть всякие древние и дорогие вещицы, – он ведь страстный коллекционер. Да и у Полины... э-э-э... Георгиевны, думаю, было что взять. Уж стекляшек среди ее украшений точно не было. Но оценить масштаб ущерба сможет только сам Беляков, когда вернется домой. Поговаривают, что недавно он приобрел очень редкую вещь, которой страшно гордился. Мол, таких в мире единицы, а у него есть.

– А как же охрана? Когда я был у Белякова, эти молодцы повсюду маячили.

– Верно. Но их задача – охранять Степан Степаныча, а не его жену. Хозяин улетел, охрана, естественно, расслабилась. А грабители, похоже, не ожидали, что Полина Георгиевна окажется дома. Накануне ее пригласили на премьеру спектакля. Она поехала в театр, и там ей неожиданно сделалось плохо, или же, не исключая, просто не понравилась постановка. Говорят, отбыла после первого акта. Вернулась домой, ну и застучала грабителей. И тем ничего не оставалось, как ее прикончить, то есть задушить. Такая пока версия.

– Да, ничего хорошего, – вздохнул в трубку Черепанов и, помедлив, продолжил: – Ладно, каковы твои дальнейшие планы?

– Скорее всего, вернусь на работу.

– Понял. Значит, с утра, после того как сдашь материал в эфир, поговорим об этом инциденте подробнее. М-да, – хмыкнул Черепанов, – что-то вокруг нашего олигарха и его юбилейных торжеств возникает слишком много негатива.

Утром, как и договаривались, они обсудили подробности произошедшей трагедии. Добавить что-то новое к сказанному по телефону Заборскому было нечего. Правда, ему удалось узнать от капитана Сидорченко, что обслуживающий персонал дома подтвердил: примерно месяц назад хозяин действительно приобрел для своей коллекции уникальный экспонат – древнее нагрудное украшение, или, как говорят специалисты, пектораль. Возможно, именно эта пектораль и привлекла внимание грабителей. Вместе с ней из дома были похищены и другие ценности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.